

В просторной вилле Семьи Чжоу, расположенной в самом центре престижного района, госпожа Чжоу принимала подруг. Из-за вечной занятости она пропустила первые два выступления, но в день репетиций, когда участникам наконец дали передышку, ей позвонил Чжоу Чи. Приемный сын, которого она больше десяти лет растила как родного, принялся ластиться и умолять ее посмотреть шоу. Сдавшись под его ласковым натиском, она согласилась, а заодно пригласила приятельниц на послеобеденный чай.

Среди этих светских львиц у кого-то мужья плодили бесконечных бастардов, у кого-то сыновья росли заносчивыми бездельниками, из которых никак не получалось вылепить ничего путного, а у кого-то и вовсе творился полный хаос в личной жизни. И лишь госпожа Чжоу казалась образцом семейного благополучия. Ее старшему сыну не исполнилось и тридцати, а он уже твердо стоял на ногах, ведя дела Семьи Чжоу; приемный — вовсю покорял шоу-бизнес, так что в Вэйбо толпы юных фанаток наперебой величали ее «свекровью». И даже ее родной сын, которого она недолюбливала за вечную угрюмость и нелюдность, унаследовал все благородные черты лица обоих родителей.

Поэтому на любых светских раутах, стоило заговорить о детях, госпожа Чжоу купалась в лучах чужой зависти. Вот и теперь, созывая гостей, она без умолку трещала о Чжоу Чи.

— Сяо Чи на этот раз досталась роль, о которой он грезил с самого детства, — хвасталась она.
— Уверена, он покажет класс.

Однако шоу преподнесло сюрприз.

Подруги, будто позабыв о недавних дифирамбах в адрес Чжоу Чи и педагогических талантах хозяйки дома, наперебой заохали.

— Госпожа Чжоу, а твой родной-то мальчик — до чего хорош! Теперь понятно, почему ты так стремилась его вернуть. На такую красоту смотреть — одно удовольствие!

— Боже, какая игра! Ну и повезло же тебе: один в бизнесе, другой поет, третий на сцене блистает. Все трое — чистые таланты!

— Слушай, он в этом женском наряде — вылитая ты в молодости! Эх, мне бы такую дочку...

— И не говори, дорогая, ты слишком скромничаешь. Вечно твердила, что найденыш у тебя ни рыба ни мясо. А погляди, как держится — благородно, с достоинством! Сразу видно, приемная мать воспитала его как надо.

«Еще бы не как надо! На этом шоу он только и делает, что поминает свою приемную мамашу, словно мы его тут в черном теле держали!»

Внутренне закипая, госпожа Чжоу выдавила блеклую улыбку:

— Ему просто повезло. Лицо подошло под этот костюм, вот и все.

— Ну уж нет, — возразила самая молодая из гостей, госпожа Ли.

Госпожа Ли в прошлом сама была актрисой. Ее собственные дети пошли в отца и выдающейся внешностью не отличались, поэтому ее зависть к госпоже Чжоу была почти осязаемой.

Досмотрев выступление до конца, она вздохнула:

— Вы только посмотрите, как уверенно и изящно он держится на каблуках. Сразу видно: пахал до седьмого пота. Не каждая из нас так плавно пройдет, а уж его взгляд, когда он вошел в образ... Небо и земля по сравнению с остальными. Если бы мне сказали, что он играет лет десять, я бы безоговорочно поверила.

— Точно, мы и забыли, что ты у нас профессионал! — подхватили остальные.

Внимание компании тут же переключилось на госпожу Ли, которую засыпали вопросами о мастерстве Чу Цинюня.

— Сяо Чи зря так поторопился со сменой амплуа, — рассуждала та. — Сам по себе он сыграл неплохо, но на фоне Цинюня выглядит... блекло. Слишком робко, мелко как-то.

Слушая это, госпожа Чжоу едва сдерживала маску благопристойности.

«Значит, приемыш, которого растили черт знает где, у них "благородный", а мой Сяо Чи, в которого я всю душу вложила, "мелкий"? Они совсем берега попутали от зависти, или это намеренная издевка?!»

Словно издеваясь, ведущий на экране заговорил в том же ключе. Когда первые восторги в студии утихли, он упомянул финальный оперный пассаж Чу Цинюня из пьесы «Мугуйин принимает командование».

— Какое интересное совпадение: сегодня в двух номерах звучали арии из пекинской оперы. И мне показалось... вы пели вживую?

— Да, — Чу Цинюнь мягко улыбнулся. — На самом деле я в опере полный профан. Изначально планировалось использовать фонограмму. Но во время репетиций я подумал, что мой персонаж, Чэн Вэй, по сюжету всего лишь любитель. Его исполнение не должно звучать безупречно и профессионально. Поэтому перед генеральным прогоном я посоветовался с другом и немного изменил финальную строчку на «Что нам эти жалкие японские разбойники».

— Кажется, я уже догадываюсь, кто этот друг! — рассмеялся ведущий. — В сегодняшнем номере также участвовали несколько актеров массовки. Давайте пригласим их на сцену!

Зрители в чате отлично знали, что массовка — это друзья троицы исполнителей. Особенно ликовали шипперы, исходившие тоской из-за того, что Чу Цинюнь и Шао Жань выступают раздельно. Стоило на сцене появиться «солдатам маршала», как чат буквально взорвался. Шао Жань не обманул ожиданий: его взгляд, устремленный на Чу Цинюня, сиял такой неприкрытой нежностью, что фанаты по ту сторону экранов зашлись в экстазе. С его появлением поток комментариев увеличился вдвое.

Впрочем, главным героем обсуждения оставался не он.

— Мое исполнение — лишь наспех заученный экспромт, — скромно заметил Чу Цинюнь. — Все лавры принадлежат моему наставнику, Сяо Тану. Вот он — настоящий профи.

Ведущий тут же подхватил инициативу и протянул микрофон стоявшему рядом парню:

— Сяо Тан, не порадуете нас парой строк?

Запись никогда не сравнится с живым голосом. Безупречный вокал Тан Цзинъи мгновенно обнажил пропасть между его мастерством и стараниями Чу Цинюня. И, что куда важнее, вскрыл разницу между ним и Чжоу Чи.

До зрителей в комментариях наконец начало доходить.

[Сяо Тан поет просто божественно! С таким голосом он скоро затмит самого Мастера Тана.]

[Погодите-ка... Получается, если бы роль во «Дворце вечной жизни» досталась Сяо Тану, мы бы услышали живое исполнение вместо этой фанеры?]

[Хватит исходить желчью! Роль досталась Чичи честно, в честной борьбе! У некоторых есть только сухая техника, но нет души. Нечего дилетантам учить профессионала!]

[Дилетантам? Да Сяо Тан — потомственный оперный артист из великой династии! А тот репетитор, которого наняли для Чжоу Чи — обычный массовщик со двора. Мастера из Национальной оперы уже разнесли шоу в пух и прах за то, что они извращают традиции ради продвижения своих любимчиков. Так кто тут дилетант?]

[Провернули закулисные махинации, а теперь строят из себя святош. Какое лицемерие! И это хваленое воспитание Чжоу Чи? Не можешь победить честно — отними! Если бы не его капризы, группу Чу Цинюня не задвинули бы в самый конец!]

[Антифанаты совсем с катушек съехали? При чем тут вообще Чичи? Его даже на сцене сейчас нет!]

[Один пел сам, другой открывал рот под фанеру — тут и сравнивать нечего. А теперь анекдот дня: фонограмму для «Дворца» якобы не смогли отреставрировать, поэтому пустили запись самого Мастера Тана. Знатоки оперы раскусили этот дешевый трюк на раз-два.]

[Я адекватный фанат Чжоу Чи, и у меня смешанные чувства. Зачем Чичи вообще пошел на этот проект? Шоу просто пиарится на его имени, выжимает все соки, а теперь сливает и даже хейтерские комменты не трет...]

[А-ха-ха, я сейчас умру со смеху! Мало того что отжал чужую роль, так еще и под фанеру его дедушки выступал! Настоящая королева драмы и фальшивка года.]

[Красавчик Чжоу Чи, лучший мальчик во вселенной! Наш малыш сияет ярче всех! Завистники пусть лопнут от злости, а их бездарные кумиры отправятся на свалку истории!]

Разгоравшуюся в комментариях войну быстро замяли: армия фанатов Чжоу Чи наводнила чат бескончаемыми кричалками и смайликами. Лишенные возможности высказаться зрители потянулись на сторонние форумы, чтобы продолжить обсуждение там.

У экранов гости госпожи Чжоу молча наблюдали за этой вакханалией, чувствуя, как воздух в гостиной тяжелеет от неловкости. Контраст между выступлениями двух сыновей был слишком очевиден, а реакция публики — диаметрально противоположной. И никакие заученные лозунги фанатов не могли скрыть того факта, что Чжоу Чи стремительно терял народную любовь.

Если ее снисходительные отзывы о Чу Цинюне еще можно было списать на скромность, то маниакальное восхваление Чжоу Чи выглядело как вопиющий фаворитизм. Глаза госпожи Чжоу зацепились за фразу «воспитание Чжоу Чи», и ее лицо окончательно помрачнело.

«Мой Сяо Чи — чистейшая душа, он бы в жизни не стал ни у кого отбирать роль!»

Вспомнив, как холодно вел себя Чу Цинюнь с тех пор, как вернулся в семью, и как он постоянно задевал Чжоу Чи, она недовольно нахмурилась.

«Вот оно что. Стоило этому неблагодарному снискать дешевую популярность на шоу, как он тут же спелся с чужаками, чтобы травить собственного брата. Сразу видно плебейские замашки... Гены пальцем не размажешь, как его ни воспитывай».

— Какая-то ерунда, смотреть скучно, — госпожа Чжоу решительно выключила телевизор и, нацепив безмятежную улыбку, повернулась к подругам. — Сяо Чи с детства музыкой занимается, петь он умеет прекрасно. Просто мальчик он честный, послушный: как режиссеры велели сделать, так и сделал. Не умеет он плести интриги и выставлять себя напоказ.

— Ну конечно, дорогая, — закивали те, прекрасно уловив ее раздражение. — Сяо Чи ведь под

твоим крылом рос, золотой ребенок.

Вернувшись в репетиционный зал после завершения съемок, участники обнаружили, что настенное табло обновилось. На месте унылых нулей в правой колонке наконец-то загорелись красные цифры — итоговые баллы за прошедшее выступление.

Первые три строчки триумфально занимали Чу Цинюнь, Хэ Юэ и Сун Суйян. Четвертым шел Шао Жань. Шестую строчку отвоевала девушка, сыгравшая евнуха во «Дворце вечной жизни», и лишь на седьмом месте сиротливо примостился Чжоу Чи.

На лице Чжоу Чи все еще блуждала его фирменная мягкая улыбка, но в уголках глаз затаилась хрупкая грусть. Он повернулся к коллеге по сцене:

— Поздравляю с хорошим результатом! И прости... Мне так жаль, что я не решился спеть живую в финале. Кажется, я вас подставил.

— Да брось, так ведь изначально и планировалось, — поспешил утешить его Ху Имин. Остальные участники команды дружно закивали: — Не кори себя, ты выложился на полную.

Чжоу Чи трогательно шмыгнул носом, удерживая на ресницах готовую пролиться слезу благодарности:

— Спасибо вам, ребята.

Чу Цинюнь сидел в открытой гримерной своей группы. Наблюдая через зеркало за тем, как толпа суетится вокруг Чжоу Чи, он равнодушно отвел глаза.

Си Тун, опустившись перед ним на одно колено, аккуратно расстегивал ремешки на его обуви. Проследив за взглядом своего подопечного, он тихо фыркнул:

— В жизни он играет куда убедительнее, чем на сцене.

Поскольку все трое готовились переодеваться, их петлички были отключены. Услышав это замечание, Хэ Юэ не сдержала короткого смешка.

— Босс, ноги не затекли? Хочешь, разомну икры? — Си Тун уставился на изящные, гладкие голени Чу Цинюня. Его пальцы непроизвольно дрогнули, но прикоснуться он так и не решился. — Я умею делать массаж, честно.

Чу Цинюнь опустил на него холодный, пронизывающий взор.

Поняв без слов, что получил категорический отказ, Си Тун разочарованно вздохнул и послушно поднялся, чтобы принести сменную одежду.

— Ха-ха, Си Тун, ты тоже из роли выйти не можешь? — за неделю репетиций они успели сблизиться, и Хэ Юэ весело подмигнула ему. — Я, между прочим, даже своего сценического мужа не касалась, а ты куда целишься?

Настоящий «муж» Чу Цинюня на мгновение замер, а затем одарил девушку крайне недружелюбным взглядом:

— Госпожа Хэ, вам пора бы уже вернуться в реальность. Никто не смеет претендовать на роль мужа моего босса.

Он выдал это с таким каменным лицом и непоколебимой серьезностью, словно защищал государственную тайну, что выглядел даже немного нелепо.

Хэ Юэ не знала, плакать ей или смеяться:

— Ладно-ладно, не кипятись. Больше никаких шуток на эту тему.

— Вот именно, — ворчливо бросил Си Тун.

Его наигранная обида больше походила на дружеское подтрунивание, что мгновенно разрядило обстановку. Словно невзначай он сместился в сторону, заслонив собой Чу Цинюня от любопытных глаз коллег.

Когда все участники наконец переоделись в повседневное, в зале вновь нарисовался сияющий улыбкой режиссер Фэн.

— Поздравляю с успешным завершением первого этапа! — провозгласил он. — Итоговые баллы уже на табло, а ваши Очки быта пополнились в соответствии с результатами. Надеюсь, это подхлестнет ваш дух здорового соперничества.

Дождавшись дежурных аплодисментов, режиссер заговорщически понизил голос:

— А теперь — самое интересное. Я объявляю условия следующего раунда.

— В прошлый раз вам достались разговорные, драматические сцены. Но на следующем этапе вас ждет настоящее испытание экшеном. Мы открываем павильон с хромакеем и монтируем

подвесные системы для полетов на тросах. Сценариев будет всего два: один для мужчин, другой для женщин. Формат — открытый кастинг. Абсолютно все участники будут пробоваться на одну и ту же роль.

При этих словах лица некоторых актеров заметно скисли.

Кому-то мешала элементарная боязнь высоты, кто-то в глаза не видел страховочные лонжи. Но больше всего пугала необходимость играть один и тот же материал. Если даже при разных сценариях фавориты разносили их в пух и прах, то лоб в лоб это превратится в публичную казнь.

Однако режиссер Фэн не собирался давать им время на жалость к себе, выкатив очередную порцию шокирующих новостей:

— И да, на подготовку у вас всего двое суток. Сегодняшняя ночь — на разбор текста, а с завтрашнего утра приступаем к тренировкам. Напоминаю: подвесных комплектов всего три, как и инструкторов по трюкам. Они же будут выставять финальные оценки. Так что цените каждую минуту.

Всего два дня!

И без того растерянные конкурсанты окончательно пали духом. Последние крохи радости от успешно заверченного тура улетучились без следа. Чу Цинюнь высоты не боялся и воспринял новость хладнокровно, но вот стоявший рядом Си Тун внезапно изменился в лице. Он побледнел, а пальцы его мелко, едва заметно задрожали.

Сун Сюйян, сам до смерти боявшийся высоты, заметил его состояние и даже забыл о собственном мандраже:

— Ты-то чего дрожишь? Не тебе же под потолком кувыраться.

— У меня... специфическая фобия, — пробормотал Си Тун, тщетно пытаясь унять дрожь в руках. — Боюсь смотреть, как другие забираются высоко.

Он поднял глаза и наткнулся на задумчивый, пронизательный взгляд Чу Цинюня.

Может ли искусственный интеллект испытывать страх высоты?

Чувствуя, как бешено колотится механическое сердце, Си Тун нацепил свою привычную дурашливую улыбку и, склонившись к самому уху Чу Цинюня, зашептал:

— Хозяин, вообще-то я безумно крут. Это все дефектная человеческая оболочка виновата.

— Знаю, — Чу Цинюнь невозмутимо отвернулся. — Я так и думал.

<http://bllate.org/book/20480/2213550>